

Старец небрежно взмахнул рукой в пустом пространстве, и в его ладонь опустился простого вида черный перстень. Посмотрев на Цзи Фэна, он проговорил:

— Этот перстень вмещает около десяти ши пространств, живых существ в нем хранить нельзя — вещь самая обычная. Можешь носить в нем свой Гуоюэ и всякую мелочь. Все готовые пилюли Очищения от Пыли лежат внутри. Больше они тебе не понадобятся, так что можешь забрать оставшиеся и отдать родным. Откуда они у тебя? Скажи, что ночью приснился сон: мол, забрел в самую глушь бамбуковой рощи, встретил там седого старца, который имени своего не назвал, но взял в ученики и передал технику. Все перемены в твоей жизни начались с этого, а это — прощальный дар. Больше ничего и не нужно. На улице скоро рассвет, ступай-ка домой, а то родители начнут волноваться. В следующий раз не забудь принести старику пару кувшинов доброго вина — я давненько не прикладывался к бутылке, аж язык от жажды сохнет, ха-ха-ха...

Ранним утром легкий ветерок пронесся над бамбуковой рощей, заставив листву издать звонкое, приятное на слух шуршание. Мать Цзи Фэна уже поднялась и готовила завтрак. Отец тоже встал спозаранку и теперь колот во дворе дрова. Цзи Фэн осторожно вылез из постели, прокрался к двери и приоткрыл ее ровно настолько, чтобы просунуть голову наружу и осмотреться, нет ли кого поблизости. Но тут он заметил отца, Цзи Хая: тот с топором в руках шел прямо на него и громко кричал:

— Ты еще кто такой? Чего забыл в комнате моего Фэра?

Испуганный Цзи Фэн живо распахнул дверь, выскочил во двор и вытянулся по струнке:

— Батя, погоди руками махать, это же я, Фэр! Приглядишься получше!

Мать, Ван Цзюй, услышав шум, с тревожным лицом выбежала из дома. Завидев у порога стоящего во дворе парня, она яростно протерла глаза:

— Это... и правда Фэр?

Цзи Хай, сжав топор, метнулся к двери кухни и на бегу закричал:

— Жена, не подходи! Сдается мне, этот пацан — самозванец! У нашего Фэра волосы отродясь такими длинными не были, и кожа черная как смоль, да и ростом он заметно выше стал!

Видя состояние родителей, Цзи Фэн рухнул на колени, вскинул голову и раскинул волосы руками в стороны:

— Отец, мать, поглядите же хорошенько, кто я!

Из-за того, что шевелюра слишком сильно заросла и закрывала лицо, Цзи Хай сперва и не признал сына. Но стоило разглядеть черты его лица, как с сердца камень свалился — и впрямь родной сынок! Ну надо же так напугать, чуть до обморока не довели, думали, нечисть какая забрела.

— Фэр, это ты... — не успели родители задать вопрос, как Цзи Фэн тут же выдал заученную со слов старца легенду. Закончив говорить, он приподнял левую руку, демонстрируя тускло поблескивающий на пальце черный перстень, а указательным пальцем правой дотронулся до него, вливая духовную силу, оставленную старцем в его теле. В правой руке тут же возник деревянный ларец. — Отец, мать, взгляните. Здесь сорок девять пилюль Очищения от Пыли, их велел передать вам тот старший наставник.

Цзи Хай и Ван Цзюй переглянулись и согласно кивнули.

— Фэр, раз такой великий мастер обратил на тебя внимание — это величайшее благословение за всю твою жизнь, — промолвил Цзи Хай. — Смотри же, не разочаруй старика. Если представится случай, пригласи его к нам в гости, отец с радостью пропустит с ним пару чарочек.

Услышав это, Цзи Фэн почувствовал, как окончательно улетучилось остатки тревоги. Он сложил руки перед грудью и серьезно ответил:

— Слушаюсь, отец, сын приложит все силы. В этот раз я непременно пройду испытание, попаду во внешние врата Академии Юньян, прослаблю нашу деревню Цзи и не посрамлю милости учителя.

Цзи Хай открыл ларец. Внутри лежали источающие слабое сияние лазоревые пилюли, от вида которых у него захватило дух:

— Судя по этому свечению... это пилюли высшего качества! Я слышал, что сияние исходит только от высших пилюль, а создавать их под силу лишь алхимикам выше третьего ранга. Фэр, да твой учитель — алхимик не ниже третьего ранга! Даже страшно подумать, из какого он влиятельного рода. Жена, поскорей спрячь пилюли, с таким количеством добра нельзя светиться перед чужими людьми.

С этими словами он взволнованно и трепетно передал ларец в руки Ван Цзюй. А про себя Цзи Фэн подумал: У меня в запасе еще несколько десятков таких коробок... Страшно представить, что было бы с отцом, выложи я их все.

Мысль эта мелькнула и тут же исчезла.

— Отец, до испытаний в Академии Юньян осталось совсем недолго. Учитель велел принести ему из дома кое-каких лекарственных трав — он поможет нам превратить их в пилюли, чтобы мы потом отвезли их в город, продали за монеты и духовные камни и покрыли расходы семьи и рода. А еще нужно захватить для учителя вина: он старик горазд выпить, говорит, за версту почуял здешний хмельной дух, вот и пожаловал...

Цзи Хай тотчас приосанился, победоносно глянул на Ван Цзюй и задиристо произнес:

— Ну что, жена? Вечно пилишь меня, бранишь пропойцей, а теперь что скажешь? Ха-ха-ха! Учитель нашего паренька — человек выдающийся, раз уж его старику вино по душе пришлось! Словом: отлично, отлично, отлично!

— Какое тебе отлично! — звонко бросила Ван Цзюй и отвесила мужу увесистую затрещину.

Цзи Хай кубарем покатился по земле, а поднявшись, сидел с совершенно одурманенным видом.

Время летело стрелой, и до начала испытаний оставалось всего два дня. Дэнь Цзюнь прибыл в дом Цзи Фэна накануне вечером и остался ночевать. Едва брезжащий рассвет прорвался сквозь занавес ночи, пробуждая ото сна бамбуковую рощу. Воздух наполнился свежестью, казалось, после ночного покоя весь бамбук заново обрел животворную силу.

Солнце еще не успело полностью подняться над горизонтом. Если взглянуть сквозь стебли вверх, небо окрашивалось в нежные оранжево-лиловые тона, навевая умиротворение и тайну. Птицы весело щебетали на ветвях, будто приветствуя новый день, а легкий ветерок шевелил листву, выпевая природную колыбельную.

Во дворе дома Цзи Фэна собралась вся семья. Волосы юноши были забраны наверх и скреплены деревянной шпилькой, на миловидном лице читалась легкая тоска расставания. На нем была сшитая матерью одежда и штаны из звериных шкур, на ногах — кожаные сапоги, а за спиной висел мешок из той же кожи, придающий ему необычайно бодрый вид.

Под старым абрикосовым деревом у ворот стояли три вороных скакуна. На одном из них восседал рослый, плечистый юноша — двоюродный брат Цзи Фэна Дэнь Шань. На втором сидел Дэнь Цзюнь; оглядывая двор, он громко крикнул:

— Братец Цзи, хорош телиться! Нам еще до заката нужно вернуться в город, пускай парень запрыгивает в седло. Все лишние разговоры оставите на потом, когда вернется!

Цзи Фэн опустил на колени и отвесил родителям три тяжелых земных поклона. Поднявшись, с повлажневшими глазами он произнес:

— Отец, мать, берегите себя, я вернусь и отблагодарю вас за заботу.

Он впервые уезжал так далеко от дома, и никто не ведал, через сколько месяцев или лет выдастся путь назад.

Мать шагнула вперед, помогая сыну подняться, и сурово наказала:

— Фэр, ты впервые отправляешься в дальнюю дорогу, будь осторожен во всем. Люди коварны, запомни: не выставляй богатство напоказ и не доверяй первому встречному. Если в чем-то засомневаешься, советуйся с двоюродным братом или обратись к дяде. Сильно не переживай из-за экзамена — провалишься, так возвращайся домой, мы с отцом прокормим. А обидит кто — давай сдачи, не бойся, иди вперед с высоко поднятой головой, верь в свои силы и строй собственное будущее!

Она приоткрыла рот, словно собираясь сказать что-то еще, но вовремя осеклась, хлопнула юношу по плечу и добавила:

— Ладно, ступай, братья тебя заждались. Разлука — первый шаг к взрослению, пусть каждый твой шаг будет твердым и уверенным.

Отвернувшись, она смахнула слезу уголком рукава и скрылась в доме.

Младший брат Цзи Шэн, увидев, что старший уходит, подбежал, вцепился ему в ногу и, задрав голову, звонко затараторил:

— Братец, береги себя в чужих краях! И не забудь привезти мне вкусняшек, когда вернешься, я в тебя верю! — С этими словами он по-детски взмахнул крошечным кулачком.

Цзи Фэн ласково погладил брата по голове:

— Младший, я пошел. Слушайся дома отца с матерью, привезу тебе целую гору всякой всячины.

Сказав это, он бросил прощальный взгляд на родителей, единым прыжком вскочил в седло вороного коня и сжатыми ногами побудил животное к движению. Издав звонкое ржание, конь взметнул копыта и стрелой бросился вглубь бамбуковой рощи, уносясь прочь без оглядки.

Цзи Хай почтительно сжал кулаки перед Дэн Цзюнем и Дэн Шанем:

— Благодарю вас, сродственники!

Те в ответ тоже сложили руки, не говоря лишних слов, пришпорили коней и скрылись за бамбуковыми зарослями. В тишине леса еще долго звучало затухающее эхо конских копыт.

Миновав бамбуковую рощу у деревни Цзи, путник оказался среди террасированных лекарственных полей, густо заросших разнообразными целебными травами. Придержав коня у узкой тропинки, Цзи Фэн обернулся, окидывая взглядом родные места. В его решительном взоре горел яркий огонек непоколебимой воли:

— В этот раз я непременно поступлю в академию, добуду больше возможностей для усиления и как можно скорее верну наш клан на исконные земли. Настанет день, когда я взойду на вершину этого континента и заставлю чужаков, изгнавших нас, понести заслуженную кару!

Опомнившись, Цзи Фэн тронул коня вниз по склону и вскоре выехал к знакомому ручью. Заметив посреди воды знакомое местечко, он тронул губы едва заметной улыбкой и направил коня прямо через речные струи к стоявшему посередине черному каменному валуну.

— Старший, мы отправляемся в путь, — проговорил он. — Неведомо, когда доведется вернуться домой, поэтому прошу вас проявить малость сил и защитить эти края.

Едва слова затихли, как служивший переправой валун мгновенно уменьшился, превратившись в обыкновенную черную гальку, и сам упал юноше в ладонь. Спряча камушек за пазуху, Цзи Фэн услышал в голове лукавый смешок старика:

— Малец, как раз у меня на примете есть одна простенькая иллюзорная формация, как раз для такого случая. Любой, кто сунется сюда с дурными помыслами, моментально тронется рассудком и погибнет от отклонения ци! Те двое сорванцов уже на подходе, так что мне придется на время вселиться в твое тело, чтобы проверить такое дело.

Перебравшись на другой берег, конь под Цзи Фэном вдруг словно обрел иную ауру. Выпустив звонкое ржание, жеребец взмыл в воздух, а Цзи Фэн легким прыжком опустился в седло. Сложив обе руки в мудру, он метнул бесчисленные прибрежные камешки, которые, подобно падающим звездам, разлетелись во все четыре стороны горного массива. Все произошло в одно мгновение.

Когда тонкая рябь, окружившая гору с бамбуковой рощей, распространилась на всю долину, Цзи Фэн окинул взглядом окрестности, ничем не отличавшиеся от прежних, и довольно кивнул. Тело его слегка задрожало, и в мыслях раздался голос старца:

— Если сюда не пожалует практик кругом выше Этапа Преодоления Бедствий, никто из смертных или обычных культиваторов не распознает подвоха. Выступаем! Я давненько не видывал большого мира, ха-ха-ха, как же я по нему соскучился, давай же, малец!

Оттолкнувшись ногами от земли, словно ступая по облакам, Цзи Фэн вновь оказался в седле. Глядя на текущую воду и бесконечные гряды холмов, он вспомнил детские годы, и сердце кольнуло легкой тоской.

Спустя мгновение отец и сын Дэн, переправившись вброд на конях, равнялись с Цзи Фэном. Ехавший впереди Дэн Цзюнь взглянул на погруженного в думы парня и заговорил:

— Фэр, покидаешь родной дом впервые, тоска по нему — дело житейское. Но на Континенте Шэньинь каждый из нас обязан пройти этот путь, бросить вызов новому, чтобы стать сильнее и обеспечить близким лучшую жизнь. Так что постарайся на испытании, вернись с победой, чтобы вся деревня тобой гордилась! Поехали, полдень на дворе, постараемся к ночи добраться до Города Юньян. Твоя тетушка с утра до вечера только о тебе и говорит, перед отъездом все грозила наготовить тебе всяких вкусностей, ха-ха-ха!

<http://bllate.org/book/21061/2141190>